

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Е.Ю. УДАЛЫХ

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail: losevo7@mail.ru

В статье рассматриваются особенности восприятия детства в традиционной отечественной культуре, в культуре советского периода и в современности. Показываются существенные отличия отношения к детству. Делается вывод, что возвращение к традиционным метафизическим смыслам детства и материнства способно оздоровить современную духовную и демографическую ситуацию.

Ключевые слова: детство, материнство, святость детства, метафизика пола, русская философия, духовный и демографический кризис.

Когда мы смотрим на очаровательные детские лица, то готовы легко забыть все невзгоды нашего «цивилизованного» мира, где так много тяжелых проблем и нерешенных вопросов. Глаз погружается в чудесные детские черты, и дети окружают нас как пророки прекрасного будущего, маленькие ангелы, каким-то чудом возвратившиеся из отошедших райских времен. Непостижимым для нас образом эти маленькие чада ничего еще не делают иного, кроме как глядятся в мир. Вместе с ними и мы начинаем глядеть в него и дивиться жизни.

Каким-то удивительным образом дети заставляют взрослых удивляться миру, пробуждают видение «миров иных», из которых только что вышел младенец. Вот она – тайна, тайна, начинающаяся в зачавшей женщине, к которой люди относятся с каким-то особенным вниманием и трепетом, к этому существу особого рода, в котором осуществляется таинственный процесс зарождения, созревания и появления нового, ранее небывшего. Вот она, по словам В. В. Розанова, «кардинальная тайна мира»: из ничто в нечто, из небытия в бытие.

О духовной сущности ребенка, своеобразии детской души писали многие выдающиеся представители русской культуры. Среди них Ф.М. Достоевский, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, Л.Н. Толстой, И.А. Тургенев, М.Ю. Лермонтов, В.В. Розанов, А.П. Чехов, М. Горький, К.И. Чуковский, С.Л. Франк, Н.Ф. Федоров, С.И. Гессен и др. В.В. Розанов называет зачатие и появление на свет младенца «выявленной мыслью Божьей», В.В. Зеньковский концентрирует внимание на закрытости детства от взгляда взрослого, а также на специфичности детского знания: «дети обладают каким-то тайным знанием жизни», о котором говорит и Ф. М. Достоевский: «детские знания питаются иными проникновениями». Он говорит о детстве как о принципиально ином состоянии человека, в корне отличающегося от состояния взрослости, он концентрирует внимание на таких значимых проявлениях детства, как: «через детей душа лечится», «дети очеловечивают душу уже одним только своим появлением между нами». А. Платонов говорит: «дети – черновики бессмертия», «дети – спасители Вселенной». Русские мыслители понимали детство в категориях чуда и тайны. Ребенок для них – это чистое, невинное существо, несущее в себе образ Божий, они видели в нем полноценное духовное существо.

Русский философ В.В. Розанов дерзнул говорить о том, о чем до него никто не говорил так искренне и откровенно. Его откровенность приподнимает то, о чем недоговаривается, что в рядовом сознании прячется от себя. Он выявил тему половой любви, тему пола из тем самых запретных, самых «неприличных», самых «стыдных» тем и сумел придать им глубокий человеческий смысл.

Творящая функция пола для него – величайшая тайна, связь метафизических основ бессмертия мира и бессмертия человеческого бытия. Высшим проявлением этой тайны является младенец. Это чудо, но не в механизме родов, не в физическом появлении на свет, чудо в зачатии, в «чадо-зачатии». В этом трансцендентально-мистическом акте продолжается творение мира Богом. Младенец, говорит В. В. Розанов, высочайшее проявление тайны «в плане создания своего, в улыбке, невинности и чудной безгрешности»,

ибо «завитый живой душой огонек в них [младенцах]»¹, точно упал с неба, словно вовсе и не принадлежит земле. Улыбка, невинность, безгрешность – эти характеристики младенца и составляют полноценную духовность, явленную в полной мере в столь немогущем и беспомощном теле. Маленький человек, дитя, считал философ, самым непосредственным образом обнаруживает трансцендентность человеческого существа, бездонную тайну своего происхождения. Младенец своим появлением на свет самым чудесным и непосредственным образом разбивает грани этого мира и пробуждает в людях, понимающих человеческую природу, «видение миров иных». «Но как-то, глядя на него, мы и в себе пробуждаем как будто видение «миров иных», только что оставленных этим малюткой... коих свежесть, яркость, а также и святость он несет на губках своих, на безлукавых глазах...»². Оставленные миры, которых ищет человек и к которым постоянно тянется, даны младенцу от рождения в его улыбке. Этой безгрешной улыбкой вдохновляется человек на дальнейшую жизнь и творчество. Ребенок как связка в системе двоемирия, придя в действительный мир из зазора между бытием и небытием, он равно принадлежит и действительно и иному миру, связывая их.

Дитя – самое прекрасное из творений, никакая грязь еще не успела осквернить его душу. Младенец – это не только сияние жизни, свежесть и чистота, которую взрослый утрачивает с годами, это еще и явление той единственно бесспорной безгрешности, какую на земле знает и испытывает человек. Для В. В. Розанова младенец – это не просто отсутствие греха, но и присутствие святости, когда телесность и духовность ребенка пребывают в гармоничном единстве.

В Библии описана сцена благословения детей Спасителем: «Приносили к нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царство Божье». Этот знак особой любви Христа к детям свидетельствует об особой оценке нравственного состояния души маленького человека. Взрослому, чтобы обрести вечную жизнь, нужно умалиться до дитяти, т.е. преобразить свой ум, т.к. преобразенный ум взрослого равен уму младенца, о котором говорится в Евангелии от Луки: «Славлю тебя, Отче, Господа неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам».

В христианстве условием обретения человеком вечной жизни является уподобление ребенку: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя мое, тот Меня принимает». В религиозном понимании подлинное величие для взрослых заключается в том, чтобы умалиться до дитяти: это и есть истинное смирение, без которого невозможно стать сыном Отца Небесного. Об этом много говорит русский религиозный мыслитель и педагог В. В. Зеньковский³.

Духовно здоровая семья принимает детей как дар Божий. Радуется рождению каждого ребенка. Каждый ребенок от Бога, каждый – это Божие проникновение. Рождение детей в традиционной христианской культуре понимается как один из путей для замужней женщины спастись и обрести вечную жизнь: «Спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием». Дар материнства для женщины рассматривается в христианской традиции как драгоценнейший Божий дар. Рождение ребенка само по себе религиозно, оно воскрешает женщину, оно свято и спасительно. И женщина здесь – проводница из одного мира в другой, из того в этот.

Если в традиционной русской культуре семья, брак, дети являлись святынями, то в Советском Союзе под влиянием марксистской идеологии понимание семьи, материнства и детства значительным образом трансформируется.

Советский Союз – это время экспериментов в области отношения между полами. Провозглашается то политика «отмирания семьи» как буржуазного института, разреша-

¹ Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М., 1990. – С.328.

² Розанов В.В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. – М., 1995. – С.458.

³ Зеньковский В.В. Психология детства. – М., 1996.

ются аборты и разводы по первому требованию, то политика укрепления семьи, запрещение абортот и ужесточение условий развода. Пропагандируется освобождение женщины от «отупляющего» круга бесконечных обязанностей по дому, «домашнего рабства», по выражению первой женщины-посла Александры Коллонтай. Роль женщины в обществе стала сводиться в первую очередь к наемной труженице вне дома, к работнице, во вторую очередь – к матери и хозяйки семейного очага.

Беременность и материнство в Советском Союзе трактуется как производительная деятельность, существующая наряду с другими работами в жизни женщины. Беременность и роды объясняются как «усиленная работа» всех органов матери, на которую уходит множество сил и энергии женщины. Как всякая производительная деятельность, работа по уходу за ребенком должна подчиняться определенным правилам, быть оптимизирована и рационализирована.

В 30-х годах XX века беременность, рождение младенца интенсивно медикализировались, выводятся сначала из сферы религии, духовности, затем из сферы производственной деятельности в сферу биологии и описываются сугубо в медицинских терминах. Рождение перестает быть тайной. В книгах по уходу за ребенком 30-х годов беременность репрезентируется уже не в терминах работы, а в терминах биологической нормы/аномалии. Бестселлер эпохи – книга Эсфирь Конюс «Мать и дитя: спутник родителей» объясняет, что «у здоровой женщины обычно в течение первых месяцев брачной жизни наступает беременность. ...Беременность не болезнь, а нормальное естественное состояние женского организма. Однако при сложности процессов, происходящих в организме во время беременности, многие нормальные явления могут легко переходить в болезненные»⁴. В книге Г. Н. Сперанского «Ребенок раннего возраста» читаем: «На новорожденного надо смотреть, как на хирургического больного, которому сделана операция. К такому больному не подходят без чистого халата, не прикасаются к нему грязными руками. Помещение, где он находится, кровать, на которой он лежит, – все должно быть безупречно чисто»⁵.

Роды, беременность, уход за маленькими детьми объявляются сферой, где безраздельно властвует медицина и где последнее слово принадлежит специалисту – врачу, здесь нет места таинственному, сакральному, святому...

Материнство, по мнению А. Коллонтай, означало только две обязанности – рождение самого ребенка и вскармливание его материнским молоком. Выполнив это, женщина имела полное право считать, что ее долг выполнен. В свою очередь, государство обязано создать для беременной женщины все необходимые условия, а женщина – соблюсти правила разумного поведения во время беременности, помня, что в эти месяцы она не принадлежит себе, а служит обществу, «производя» из своей плоти и крови новую трудовую частицу.

Коллонтай считала, что поскольку работающая женщина не имеет ни времени, ни возможности воспитывать детей, общество, взяв на себя решение этой задачи, станет чем-то вроде второй матери для ребенка. Она предложила установить новый принцип: забота о новом поколении, которая так тяжело ложится на плечи женщин, не является частным семейным делом, но социальной функцией государства, которое должно дать женщине возможность участвовать в производительном труде, не насилуя ее природу, не вынуждая отказываться от материнства. В свете этого Коллонтай не считала, что у женщин может быть собственный выбор. За нее этот выбор делает государство. При этом мнение самих женщин, их приверженность ценностям традиционной семьи не учитывались.

В Советском Союзе семье была в значительной мере нравственно деформирована. Само понятие «семья» стало чем-то порочным, «буржуазным», подавляющим «свободу» личности. Дети оказались принадлежащими государству, которое стало активно вмешиваться в их воспитание, а супружеская верность оказалась пережитком старого общества. Первая женщина – посол Александра Коллонтай утверждала, что любовь – буржуазный анахронизм.

⁴ Конюс Э.М. Мать и дитя: спутник родителей. – М.; Л., 1939. – С. 6,24.

⁵ Сперанский Г.Н. Ребенок раннего возраста. – М.; Л., 1939. – С. 60.

Разрушение семейных связей неизбежно приводит к нарушению нормального развития детей и накладывает долгий, неизгладимый отпечаток на всю их последующую жизнь. Ребенок, воспитывающийся без матери, вырастает с пониженным родительским чувством, а отрыв детей от родителей в течение нескольких поколений привел к появлению молодых людей, у которых отсутствует желание иметь ребенка. Сохраняя физиологическую способность к деторождению, такие молодые люди оказываются психологически непригодными ни к семейной жизни, ни к родительству. Они не хотят иметь детей. Ребенок воспринимается как разрушитель комфорта, как помеха. Эти люди воспитаны в нескольких поколениях в отрыве от матери, часто без отца и все это ведет начало к 20-м годам, когда первая в мире женщина-нарком, гордость Советского Союза, Александра Михайловна Коллонтай говорила, что «Ребенок принадлежит обществу, в котором родился, а не своим родителям». И, что страшно, это были не только слова, а реальная политика правительства, подкрепляемая аппаратом репрессий и мощной машиной идеологической обработки населения.

Глубочайший мыслитель Советской эпохи, писатель Андрей Платонов почувствовал сильнейшее людское горе, величайшую трагедию Советской России – сиротство. Отняв у ребенка мать, лишив его материнского тепла и заботы, он навсегда остается сиротой. Ибо величайшая задача материнства – согреть души, дать почувствовать ребенку теплоту мира, которую он пронесет с собой через жизнь, дать опору добра человеку. В период Советского Союза, когда нужно было поднимать страну, нужны были рабочие руки, а тут еще и война... Женщину вырывают из семьи и отправляют на производство. На декрет полагается 6 недель. А дальше ребенка в ясли, потом школа, октябрята, пионеры, комсомол... А маму на завод. Вот и получилась «страна бывших сирот», как называет Советскую Россию Платонов. Но несмотря на обилие детских организаций, заботу о детях со стороны этих организаций, ребенок, усыновленный страной, продолжает чувствовать и ощущать нехватку домашнего тепла: «Девочка хотела, чтобы ее снова любил кто-нибудь – отдельный человек, подобно отцу и матери, а не все люди, которые сейчас ее кормят и учат, но которых она хорошо не знает» (рассказ «Оля»).

Тема смысла материнства, материнского тепла крайне значима для А. Платонова. Счастье ребенка у Платонова заключено в любви к нему матери. В материнском сердце непрерывно и безвозмездно рождается счастье любви, которое озаряет своим теплом и детей, находящихся рядом, и тех, кто был далеко, но «постоянно и безотчетно» чувствовал это тепло (рассказы «Полотняная рубашка», «Третий сын», «Разноцветная бабочка», «Сухой хлеб», «Семен» и др.). Мать олицетворяет образ бескорыстной любви и вечного страдания. Умирая, она навсегда оставляет ребенка сиротой, грустным и одиноким странником в человечестве. Одинокие, потерявшие мать дети для А. Платонова являются первейшим знаком социального и нравственного неблагополучия.

«Женщина ... питает человечество. Она сводит небо на землю, совершенствуя человека, поднимая его, очищая сменой поколений его горящую жаждущую душу». «В женщине живет высшая форма человеческого сознания – сознание непригодности существующей вселенной», сознание греховности и несовершенства, порочности этого мира и желание сделать его хоть капельку лучше, хоть на шаг приблизить к совершенству «влюбленностью в далекий образ совершенного существа – в сына, ... зачатого совестью погибающего мира»⁶.

Сегодня общество культивирует исключительно земные потребности человека, искусственно раздуваемые с помощью искусственно созданных средств. Люди стремятся к избыточному потреблению и избыточному комфорту, что приводит к психофизиологической и нравственной деградации человека. Современное общество формирует человека ненасытного, сотворившего себе кумиров в лице рынка, бесконечного сверхпотребительства и усиленно навязывает эти «ценности» детям, агрессивно вторгаясь в священную, чистую область детства, заставляя ее обитателей жить по законам взрослого мира. Родители из семьи убегают в бизнес, с работу, а детьми занимаются учителя, воспитатели,

⁶ Платонов А. Душа мира // Чутье правды. – М., 1990. – С.66-69.

няньки, педагоги, психологи, ТВ. У родителей нет времени на детей. Для женщины оказывается важнее обеспечить ребенка больше материальными благами, а не материнским вниманием, заботой, теплом, на самом деле более важным. Чтобы заработать, она становится врачом, адвокатом, чиновником, выходит из семьи в общество, стремится быть равной мужчине. Взрослые забывают, что детям нужно давать достаточную опору не в материальном плане, а в мудрости, в каких-то советах. В итоге ребенок вырастает с ценностями потребления и неразвитой душой.

Фактически все самое важное в жизни человека происходит вне семьи. Рожают «цивилизованные люди» в медицинских учреждениях. Умирают, как правило, тоже. Да и в промежутке между этими двумя эпохальными событиями, в основном, находятся не в семье. Ясли, детский сад, школа, институт, служба, дом престарелых... Скольких родителей уже удалось убедить в том, что они равным счетом ничего не смыслят в собственных детях, не умеют их ни воспитывать, ни даже любить, и должны руководствоваться исключительно советами специалистов. Еще, казалось бы, совсем недавно, в начале 90-х, многие родители вообще не понимали, зачем им психологи, и обращались за помощью только в случае действительно серьезных поведенческих отклонений. Сейчас психология – наука бурно развивающаяся. Психологи работают в каждом детском саду и школе. В каждом коммерческом центре детского развития занятия ведут специалисты-психологи. Родители теперь спрашивают советы у психологов на все случаи жизни. Ребенок спать днем не любит – на прием к психологу. Бабушке грубит – без специалиста не разобраться. Ссорится с младшим братом – «Подскажите, что делать – ребенок неуправляем!»

В традиционном обществе брак и семья воспринимались как жизненная необходимость. Значение семьи в прежние периоды русской истории было чрезвычайно высоким. Сегодня представления о благополучной жизни обходятся без потребности в семье и детях. Гедонистические ценности и культ индивидуализма смещают семейность со шкалы социальных приоритетов. Семейность и материнство оказываются не в моде и заменяются ценностями материальной обеспеченности, максимальной самореализации в профессиональной сфере, построением успешной карьеры и т. п.

В постсоветский период стало поощряться стремление к самореализации, к достижению личного успеха, независимости. Материнство как самостоятельная ценность в такую систему координат не вписывается. Девочку с раннего детства ориентируют на хорошую учебу, затем – на выбор профессии и успехи в работе. Счастье в личной жизни воспринимается как второстепенное, сопутствующее успехам в труде. Принижение социальной значимости материнства и отцовства сравнительно с успехами в профессиональной сфере приводит к тому, что дети начинают восприниматься как ненужная обуза, дети становятся помехой индивидуалистического комфорта.

Женщина воспринимает материнство не как свое призвание, а как препятствие в профессиональном становлении. Детей либо «заводят» как домашнее животное, либо нет, поскольку не видят необходимости в их появлении. Нередко будущий ребенок нужен женщине не сам по себе, а лишь как средство достижения неких целей. Например, чтобы узаконить брак или удержать мужа в семье. Или женщина не хочет выделяться из общей массы: «Все рожают, а я что, хуже?». С рождением ребенка могут быть связаны планы по улучшению жилищных условий или какие-то иные материальные выгоды. То есть, осознанной потребности в ребенке как в таковом у будущей матери порой не наблюдается. СМИ говорят о рождении и воспитании детей так, словно это сплошные проблемы, трудности и неприятности.

Христос указывал апостолам на дитя, воплощенное бескорыстие и целомудрие, ставил его перед ними как подлинный и универсальный критерий нравственности. Ведь детей отличает, прежде всего, чистота, и именно к сохранению детской чистоты, целомудрия, невинности призывал Спаситель. Об этом просят и родители в молитвах о детях: «Сохрани их сердце в ангельской чистоте», «непусти их впасть в нечистоту и нецеломудрие». И эти-то качества как раз и вытравляются всеми силами из современной жизни.

Перестав видеть святость семьи и детства, люди менее всего заботятся о том, чтобы оберегать и пестовать эту святость. Потеряв веру в высшее начало жизни, распадается современная семья, все больше появляется сирот, все больше становится проблем с деть-

ми, которые в условиях отсутствия стремления к высшим идеалам, к высшим смыслам существования становятся подобием непробужденных взрослых. Если есть чувство тайны, божественности, чуда рождения (а именно такое понимание семьи и детства мы находим в трудах русских философов), то об абортах, оставленных, убитых детях, о детдомах, детской проституции и прочих ужасах мира сего не может быть и речи. К социальным бедам приводит утрата духовного видения мира.

Ребенок обладает теми положительными качествами, которые являются самыми ценными в любом человеке, которые притягивают. Это чистота, непосредственность, искренность, открытость, доброта, бескорыстие. В детях обязательно, особенно в маленьких, неиспорченных еще бездуховным миром, так много еще добрых, положительных, душевных, искренних и живых проявлений. Отношение взрослого к ребенку, в сущности, оказываются идеальными отношениями между людьми, отношениями внимания и заботы. Оттого они, дети, и являются островками преображения в непробужденном мире и даются взрослым как идеал нравственности, но что удивительно, сами находящиеся еще вне морали.

«Спасители вселенной» – так в одном из произведений Андрей Платонов назвал детей. В каком-то смысле дети действительно «спасители вселенной», они способны пробудить нежные чувства даже в огрубелых сердцах. В детях есть что-то особенное, что вызывает во взрослых чувство живой и настоящей любви «просто так». Поражает детская наивная мудрость, детская слабость, которая часто становится силой, исправляющей вывихи и уродства мира. Когда ребенок улыбается, когда он смеется, невозможно злиться. Детский мир удивителен! Дети дают тепло миру взрослых, не могут оставить взрослого равнодушным, они способны высекать искры человеческого тепла и доброты, позволяя человеку оставаться человеком, способны пробудить заваленного житейским сором, проблемами и заботами взрослого к жизни. И сегодня, отказываясь от семьи и многодетности, мы теряем самое ценное. Современность меняется, а дети приходят в этот мир всегда одни и те же.

Смысл детства не в том, чтобы научить ребенка жить и ориентироваться в мире, а в том, чтобы взрослый сам подтягивался до младенца, не опускать его до современности, а самим подниматься до детскости. Каждый взрослый благоговеет перед чистотой детского сердца, напоминающей о его истинной, высшей природе, о том, чем мы все должны были бы быть, но по разным причинам не стали.

Список литературы

1. Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М., 1990.
2. Розанов В.В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. – М., 1995.
3. Зеньковский В.В. Психология детства. – М., 1996.
4. Конюс Э.М. Мать и дитя: спутник родителей. – М.; Л., 1939.
5. Сперанский Г.Н. Ребенок раннего возраста. – М.; Л., 1939.
6. Платонов А. Душа мира // Чутье правды. – М., 1990.

MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN RUSSIAN CULTURE

E.Y.UDALICH

*Voronezh State
University*

*e-mail:
losevo7@mail.ru*

The article deals with peculiarities of perception of childhood in the traditional national culture, the culture of the Soviet period and in modern times. It shows significant differences related to childhood. It is concluded that a return to traditional metaphysical sense of childhood and motherhood can improve the modern spiritual and demographic situation.

Key words: childhood, motherhood, the sanctity of childhood, the metaphysics of sex, Russian philosophy, spiritual and demographic crisis.